

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

М. И. ГЛИНКИ

СЫН РОССИИ

Сто лет прошло с того промозглого зимнего утра, когда в Берлине, на квартире у музыкального теоретика Зигфрида Дена, в одиночестве, вдали от родных и друзей, умер гениальный русский композитор Михаил Иванович Глинка. Ему было всего 53 года, но за ним стояли огромные, небывалые творческие свершения, смысл и значение которых оказались решающими для всего дальнейшего — вплоть до наших дней — развития национальной музыки.

Глинка — один из великих и вечных художников. Он воплотил в себе беспредельный творческий гений русского народа. Его музыка впитала все прекрасное, мудрое, чистое, что веками отложилось в национальной песенной культуре. Величайшей заслугой Глинки было осознание им народной песни как единственной основы, от которой музыкальное искусство способно развиваться шири и вглубь. Он не только осознал, но доказал это на удивление всему миру.

Народную речь и песенность Глинка постиг еще с детства. Он родился (1 июня 1804 года) и рос «во глубине России», в смоленском имении своего отца, в селе Новоспаском. Родная природа, народный быт благотворно влияли на развитие художественной натуры мальчика, получившего к тому же прекрасное домашнее воспитание. Своим острым слухом будущий композитор соединял простые напевы, слышавшиеся в деревне, в полях, в ночном баюканье няньки, с музыкой классиков, которую частенько играл домашний оркестр его родного дяди. Музыкальный талант мальчика был несомненен. Сколько поноряющей простоты и гордости в дошедших до нас словах десятилетнего Глинки: «Музыка — душа моя!»

Позднее (1817 год) Глинка переезжает в Петербург. Здесь юноша сближается со многими передовыми людьми, жадно впитывает демократические идеи, ставшие впоследствии знаменем декабризма.

Как и где учился Глинка музыке? Это вопрос необычайно интересный. У него не было школы, периода длительного ученичества в консерватории (в России тогда вовсе не было музыкальных училищ) или у кого-либо из больших мастеров музыки. Все,

чего достиг композитор, — итог углубленного творческого самопознания, сложнейшей внутренней работы. Глинка отчетливо сознавал, что для того, чтобы «стать с веком наравне», чтобы свершить зревшие в нем великие замыслы, одного таланта мало. Он был жажден до всего нового, значительного в искусстве, смело усваивал все передовое, ценное в современной ему западной культуре.

С этим связаны и поездки Глинки за рубеж — в Италию, Германию, Францию и другие страны. Первое путешествие (1830—1834 гг.) почти полностью было посвящено Италии, где блестящая музыкальная культура достигла в ту пору наивысшего расцвета. Здесь композитор учился и совершенствовался. Но ничто не застало в Глинке коренного русского. Напротив, он все сильнее понимал истинное свое призвание. Перед возвращением на родину Глинка написал из Берлина одному из своих друзей волнующие слова: «Я не останусь здесь долго... Ты сам найдешь во мне перемену: без сомнения, ты удивишься, когда откроешь во мне больше того, о чем мог бы подумать во время моего петербургского житья. Сказать ли тебе все?.. Я полагаю, что я тоже мог бы дать нашему театру произведения больших масштабов... Я хочу, чтобы мои дорогие соотечественники почувствовали бы себя тут, как дома... И кто знает, найдут ли я в себе самую силу и талант, необходимые для выполнения обещания, которое я сам себе дал!»

Нашлись в Глинке такие сила и талант! Меньше двух лет прошло после этого, и в декабре 1836 года состоялась премьера оперы «Иван Сусанин».

Как в первой, так и во второй своей опере «Руслан и Людмила» (1837—1842 гг.) Глинка утверждал, как он сам говорил, «задачу серьезную: выработать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу».

«Руслан» открывает новые грани в творчестве Глинки. Это удивительный сплав различных музыкальных стилей, своего рода отражение в музыке

многоликий национальный культуру России. Вся опера — поток мелодий: здесь и былинный напев, широкая эпическая дума, и проникновенная женская лирика (Людмила, Горислава), и страстные мелодии Востока (Ратмир), и песни Севера (Финн), и, наконец, фантастические сцены, в которых композитор так щедро и смело на выдумку.

Но не только к опере обращался Глинка. Он прошелся могучим плугом по целине всей русской музыки — симфонической, камерной, вокальной. По меткому определению Чайковского, в его бессмертной «Измаловской» заключен, «как дуб в железе», весь русский симфонизм. Его тончайшие лирические романсы («Сомнение», «Не искушай», «Жаворонок», «В крови горит огонь желанья», «Я помню чудное мгновенье») — безграничный мир человеческих чувств, переживаний, страстей, оживший в музыке в новом поэтическом озарении.

Интересно, что, обращаясь в творчестве к различным национальным истокам, Глинка всегда обнаруживал глубокое понимание чужой народности и бережно воссоздавал в музыке самую яркую и точную ее характеристику.

Как всякий подлинный гений, Глинка неисчерпаем. Его музыка проходит сквозь годы и поколения, оставаясь вечно юной, вечно прекрасной и новой. Музыканты разных эпох, разных творческих направлений находили и находят у Глинки вечный стимул и смелым исканиям на почве народности. Глинка по праву считается родоначальником классической русской музыки. Все действительно прекрасное, непреодолимое в русском музыкальном искусстве ведет свое начало от бессмертной музыки Глинки.

А. МЕДВЕДЕВ.

На снимке: в одном из залов Ленинградского государственного театрального музея. Школьники знакомятся с экспонатами, рассказывающими об истории постановки опер великого композитора.

Фото В. СТЕПАНОВА.